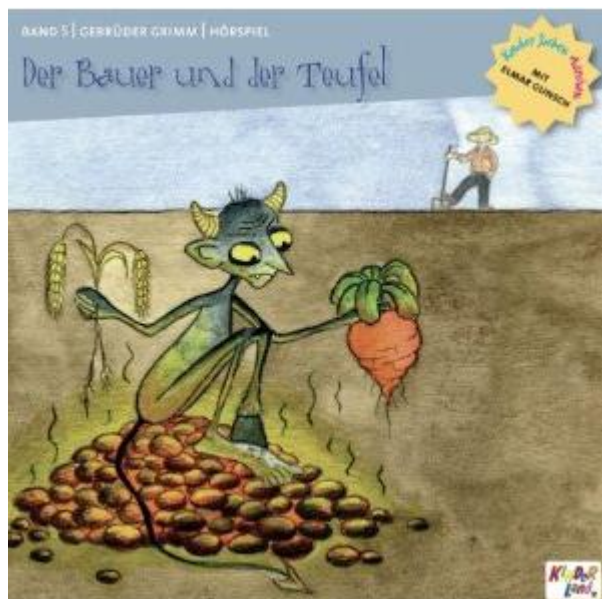

Сказки братьев Гримм. Мужик и чёрт

Жил-был некогда преумный и прехитрый мужичонка, и о проделках его много можно бы рассказать, но лучшею из них все же следует считать ту его встречу с чертом, при которой он черта совсем одурачил.

Мужичонка однажды, покончив на поле работы, собирался ехать домой в то время, когда сумерки уж наступили.

Тут вдруг увидел он у себя среди поля груды горячих угольев, и когда он, изумленный этим зрелищем, подошел поближе к груды углей, то увидел, что на этих горячих угольях сидит маленький черный чертик.

«Ты небось сидишь над кладом?» – сказал мужичонка. «Конечно, над кладом, – отвечал чертенок, – и в том кладе больше найдется серебра и золота, чем тебе на всем твоём веку видеть пришлось». – «Коли клад на моей земле зарыт, так он мне же и принадлежит», – сказал мужичонка. «Он тебе и достанется, – сказал чертенок, – если ты мне в течение двух лет будешь отдавать половину того, что у тебя на поле произрастет; денег у меня достаточно, а вот хочется мне ваших земных плодов отвеждать».

Мужик сейчас давай с ним торговаться. «Чтобы, однако ж, при

дележе не возникали между нами какие-либо споры, – сказал мужик, – то мы разделим так: твое пусть будет то, что над землю, а мое – что под землю».

Чертенку этот уговор очень понравился; но хитрый-то мужичонка посеял репу.

Когда пришло время собирать урожай, явился чертенок за своею долей, но нашел одну только поблекшую ботву, а мужичонка, очень довольный урожаем, выкопал свою репу.

«На этот раз ты в выгоде, – сказал чертенок, – на следующий раз иное будет. Твое пусть будет то, что над землю растет, а мое – что в земле». – «По мне, пожалуй!» – отвечал мужичонка.

А как пришло время сева, он и посеял уже не репу, а пшеницу.

Пришла жатва: мужик пошел на поле и срезал полные колосья до самой земли.

Когда пришел чертенок, то нашел одно посохшее жнивье и в ярости своей забился в какое-то горное ущелье.

«Так-то надо вашего брата надувать!» – сказал мужичонка, пошел и добыл клад на поле.

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Веретено, ткацкий челнок и иголка

Девушка-сиротка жила когда-то без отца, без матери; они умерли, когда она была еще ребенком. В конце деревни в избушке жила одна-одинешенька ее крестная, которая зарабатывала себе хлеб насущный своим уменьем прясть, ткать и шить.

Старушка взяла к себе покинутое дитя, приучила к работе и

воспитала в благочестии.

Когда девушке минуло пятнадцать лет, старушка заболела, подозвала к себе свою крестницу и сказала: «Милая, чувствую, что приближается конец мой! Оставляю тебе домик, в котором ты и от ветра, и от непогоды будешь всегда иметь приют; сверх того, оставляю тебе веретено, ткацкий челнок и иголку, ими ты всегда прокормишься».

Потом возложила ей руки на голову, благословила ее и сказала: «Всегда имей Бога в сердце твоём – и благо будет тебе».

С тем и закрыла глаза; и когда ее хоронить стали, крестница пошла за ее гробом с горькими слезами и воздала ей последний долг.

И вот зажила девушка одна-одинешенька в маленькой избушечке; работала усердно: пряла, ткала и шила, и на всех делах ее, видимо, покоилось благословение доброй старушки...

Казалось, лен как будто не переводился в ее кладовой, а когда она, бывало, закончит ткать сукно или ковер либо рубашку сошьет, на все это сейчас же найдется и покупатель и заплатит щедро, так что сиротка наша ни в чем не нуждалась да еще и другим кое-чем помогать могла.

Случилось, что около того времени сын короля той земли разъезжал повсюду, разыскивая себе невесту. Бедной он избрать не смел, а богатую избрать не желал.

Вот и сказал он себе: «Моей женою будет та, которую можно будет назвать и самую бедною, и самую богатую».

И вот, приехав в ту деревню, где жила сиротка, он спросил (как спрашивал везде): «Кто здесь, в деревне, из девушек беднее всех и кто богаче всех?»

Сначала показали ему ту, которая была богаче. «А беднее-то всех, – сказали ему, – та девушка, что живет в маленькой избушке на самом конце деревни».

Богатая в полном наряде сидела у дверей своего дома, и когда королевич к ней приблизился, она встала, пошла навстречу и поклонилась ему.

Он на нее посмотрел, ничего ей не сказал и проехал далее. Когда же он подъехал к дому бедной сиротки, она не стояла у дверей, а сидела у себя в комнате. Он сдержал коня, заглянул в

окошечко и при ярком солнечном свете увидел, что девушка сидит за самопрялкой и усердно прядет.

Она подняла очи и, заметив, что королевич заглядывает к ней в избушку, покраснелась, как маков цвет, опустила глаза долу и продолжала прясть.

Пряжа ли была на этот раз очень ровна или другое что, не знаю, но только она продолжала прясть до тех пор, пока королевич не отъехал от ее окошка.

Тогда подошла она к окну, отворила его и сказала: «В комнате так жарко!» – и все смотрела ему вслед, пока мелькали вдали белые перья на его шляпе.

Затем она села вновь за свою работу и продолжала прясть. Тут ей припомнилось, как, бывало, старушка, сидя за работой, тихонько про себя подпевала:

Приведи, веретено,
Жениха мне под окно.

И что бы вы думали? Веретено вдруг у ней из руки вырвалось да к двери – шмыг!

А когда она в изумлении вскочила с места и посмотрела вслед веретену, то увидела, что оно веселехонько по полю скачет и блестящую золотую нить за собою тянет...

А там и из глаз у нее скрылось.

Другого веретена у девушки не было, а потому и взяла она ткацкий челнок, села за ткацкий стан – и давай ткать.

А веретено тем временем скакало да скакало, и как раз в то время, когда уж намотанная на нем нить к концу подходила, веретено нагнало королевича. «Что я вижу? – воскликнул он. – Веретено как будто хочет мне показать дорогу?» – Повернул он коня и поехал по золотой нити обратно.

А девушка сидела за своей работой и пела:

Челночок, ты мой проворный!
Тки дружку ковер узорный!

И тотчас выскользнул у ней челночок из рук и за двери – шмыг!
И перед самым порогом двери начал он ткать ковер, да какой

ковер-то! На том ковре по бокам розы да лилии, а посредине, на золотом поле, протянулись зеленые нити растений, и между ними зайчики да кролики поскакивают, олени да козочки головки вперед выставляют, а вверху в ветвях сидят пестрые пичужки, совсем как живые, только песни не поют!

А челночок знай со стороны на сторону так и снует, так и носится, и ковер под ним будто сам растет!

Как выскользнул у девушки челночок из рук, девушка села за шитье; держит иглу в руках да подпевает:

Мы с иголочкой вдвоем

Хорошо украсим дом!

И иголочка тоже юркнула у ней из рук и давай носиться по комнате, как молния.

Можно было подумать, что за убранство принялись какие-то неведомые духи: там стол зеленой скатеркой накрыли, а лавки зеленым сукном обтянули, там стулья бархатом прикрыли и на окна шелковые занавеси навесили!

И едва только иголочка последний стежок сделала, как уже сиротка увидела в окошко белые перья на шляпе королевича, которого веретено привело по золотой нити.

Сошел он с коня, переступил через ковер прямо в дом и, чуть вошел в комнату, видит, что девица стоит в своем бедном платьице и словно роза цветет.

«Ты самая бедная и самая богатая изо всех! – сказал он ей. – Пойдем со мною и будь мне невестой!»

Она молча протянула ему руку. А он ее поцеловал, усадил на своего коня и привез в королевский замок, где свадьба была отпразднована превеселая.

А ее веретено, челнок и иголочка положены были в королевскую казну на хранение и хранились в великом почете.

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Заяц и ёж

Эта быль на небылицу похожа, ребятушки, а все же в ней есть и правда; вот почему мой дедушка, от которого я ее слышал, имел обыкновение к рассказу своему добавлять: «Правда в ней все же должна быть, дитяtko, потому что иначе зачем было бы ее и рассказывать?»

А дело-то было вот как.

Однажды в воскресенье под конец лета, в самое время цветения гречихи, выдался хороший денек. Яркое солнце взошло на небе, повеяло теплым ветерком по жнивью, песни жаворонков наполняли воздух, пчелки жужжали среди гречихи, а добрые люди в праздничных одеждах шли в церковь, и вся тварь Божия была довольна, и ежик тоже.

Ежик же стоял у своей двери, сложа руки, вдыхая утренний воздух и напевая про себя нехитрую песенку, как умел. И между тем как он вполголоса так напевал, ему вдруг пришло в голову, что он успеет, пока его жена детей моет и одевает, прогуляться в поле и посмотреть на свою брюкву. А брюква-то в поле ближе всего к его дому росла, и он любил ее кушать у себя в семье, а

потому и считал ее своею.

Сказано – сделано. Запер за собою дверь и пошел по дороге в поле. Он не особенно далеко и от дома ушел и хотел уже свернуть с дороги, как повстречался с зайцем, который с той же целью вышел в поле на свою капусту взглянуть.

Как увидел ежик зайца, так тотчас же весьма вежливо с ним поздоровался. Заяц же (в своем роде господин знатный и притом весьма заносчивый) и не подумал ответить на поклон ежика, а напротив того, сказал ему, скорчив пренасмешливую рожу: «Что это значит, что ты тут так рано утром рыщешь по полю?» – «Хочу прогуляться», – сказал ежик. «Прогуляться? – засмеялся заяц. – Мне кажется, что ты мог бы найти и другое, лучшее занятие своим ногам». Этот ответ задел ежика за живое, он все способен был перенести, но никому не позволял говорить о своих ногах, так как они от природы были кривыми. «Не воображаешь ли ты, – сказал ежик зайцу, – что ты со своими ногами больше можешь сделать?» – «Конечно», – сказал заяц. «А не хочешь ли испытать? – сказал ежик. – Бьюсь об заклад, что если мы побежим взапуски, то я тебя обгоню». – «Да ты смешишь меня! Ты со своими кривыми ногами – и меня обгонишь! – воскликнул заяц. – А впрочем, я готов, если тебя разбирает такая охота. На что мы будем спорить?» – «На золотой луидор да на бутылку вина», – сказал ежик. «Принимаю, – сказал заяц, – побежим сейчас же!» – «Нет! Куда же нам спешить? – отозвался еж. – Я ничего еще сегодня не ел; сначала я схожу домой и немного позавтракаю; через полчаса я опять буду здесь, на месте».

С тем и ушел ежик с согласия зайца. По пути ежик стал раздумывать: «Заяц надеется на свои длинные ноги, но я с ним справлюсь. Хоть он и знатный господин, но вместе с тем и глупый, и он, конечно, должен будет проиграть заклад».

Придя домой, ежик сказал своей жене: «Жена, одевайся поскорее, тебе придется со мною в поле идти». – «А в чем же дело?» – сказала его жена. «Я с зайцем поспорил на золотой луидор и на бутылку вина, что побегу с ним взапуски, и ты должна при этом быть». – «Ах, Боже мой! – стала кричать ежикова жена на мужа. – Да в своем ли ты уме? Или ты совсем ума рехнулся? Ну как можешь ты бегать с зайцем взапуски?» – «Ну молчи знай, жена! –

сказал ежик. – Это мое дело; а ты в наших мужских делах не судья. Марш! Одевайся и пойдем». Ну и что же оставалось делать ежиковой жене? Должна была волей-неволей идти вслед за мужем. По пути в поле ежик сказал своей жене: «Ну, теперь слушай, что я тебе скажу. Видишь ли, мы побежим вперегонки по этому длинному полю. Заяц побежит по одной борозде, а я по другой, сверху вниз. Тебе только одно и дело: стоять здесь внизу на борозде, и когда заяц добежит до конца своей борозды, ты крикнешь ему: „Я уже здесь!“»

Так дошли они до поля; ежик указал жене ее место, а сам пошел вверх по полю. Когда он явился на условленное место, заяц был уже там. «Можно начинать?» – спросил он. «Конечно», – отвечал ежик. И тотчас каждый стал на свою борозду. Заяц сосчитал: «Раз, два, три!» – и помчались они вниз по полю. Но ежик пробежал всего три шага, потом присел в борозде и сидел спокойно.

Когда заяц на всем скаку добежал до конца поля, ежикова жена ему и крикнула: «Я уже здесь!» Заяц приостановился и был немало удивлен: он был уверен в том, что кричит ему сам еж (известно уж, что ежа по виду не отличишь от ежихи). Заяц и подумал: «Тут что-то не ладно!» – и крикнул: «Еще раз побежим – обратно!» И опять помчался вихрем, откинув уши на спину. А ежикова жена преспокойно осталась на месте.

Когда же заяц добежал до верха поля, ежик крикнул ему: «Я уже здесь». Заяц, крайне раздосадованный, крикнул: «Побежим еще раз, обратно!» – «Пожалуй, – отвечал ежик. – По мне, так сколько хочешь!»

Так пробежал заяц семьдесят три раза туда и обратно, и ежик все его обгонял; каждый раз, когда он прибегал к какому-нибудь концу поля, либо ежик, либо жена его кричали ему: «Я уже здесь!» В семьдесят четвертый раз заяц уж и добежать не мог; повалился он среди поля на землю, кровь пошла у него горлом, и он сдвинуться с места не мог. А ежик взял выигранный им золотой луидор и бутылку вина, кликнул жену свою, и оба супруга, очень довольные друг другом, отправились домой.

И коли их доселе смерть не постигла, то они, верно, и теперь еще живы. Вот так-то оно и случилось, что еж зайца обогнал, и

с того времени ни один заяц не решался бегать взапуски с ежом. А назидание из этой бывальщины вот какое: во-первых, никто, как бы ни считал себя знатным, не должен потешаться над тем, кто ниже его, хоть будь он и простой еж. А во-вторых, здесь каждому совет дается такой: коли свататься вздумаешь, так бери себе жену из своего сословия и такую, которая бы во всем тебе была ровня. Значит, кто ежом родился, тот должен и в жены себе брать ежиху. Так-то!

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Настоящая невеста (Истинная невеста)

Жила-была девушка, молодая и красивая, да на беду рано умерла у нее мать, а мачеха старалась причинить ей как можно больше горя. Какую бы тяжелую работу ни поручала ей мачеха, она беспрекословно за нее принималась и выполняла ее, насколько хватало сил; но этим она не могла тронуть сердце злой женщины, и та была всем недовольна, и все-то ей казалось мало. И чем

старательнее бедняжка работала, тем больше на нее работы наваливали, и у мачехи только одно было на уме: как бы отяготить падчерицу побольше да как бы жизнь ей сделать погорше.

Однажды мачеха сказала падчерице: «Вот тебе двенадцать фунтов перьев, ты их обдери, и если ты сегодня же к вечеру не выполнишь этой работы, то жди от меня побоев. Или ты думаешь, что можешь целый день лентяйничать?»

Бедная девушка села за работу, но слезы ручьем потекли у нее по щекам, потому что она очень хорошо понимала полнейшую невозможность закончить эту работу в течение одного дня, и чуть только она накопит кучку перьев перед собою да вздохнет либо в страхе всплеснет руками, так перья полетят врозь, и она опять должна их собирать и начинать сначала. Наконец она оперлась локтями на стол, опустила лицо на руки и воскликнула: «Да неужели же на всем Божьем свете не найдется человека, который бы надо мною сжалился?»

И вдруг услышала она нежный голос, проговоривший: «Утешься, дитя мое, я пришла помочь тебе». Девушка подняла голову и увидела около себя старушку. Та ласково взяла девушку за руку и сказала: «Доверь мне свое горе».

В ответ на такой сердечный призыв девушка рассказала ей о своей печальной жизни, о том, что на нее наваливают постоянно ношу не по силам, и наконец призналась, что она не может закончить заданную ей работу. «А если я с этими перьями не справлюсь до вечера, мачеха станет бить меня; она мне этим пригрозила, и я знаю, что она сдержит слово».

Слезы снова потекли у нее из глаз, но добрая старушка сказала: «Не тревожься, дитя мое, отдохни, а я тем временем твою работу справлю».

Девушка прилегла на свою постель и вскоре уснула, а старушка села к столу за перья – и пошла работа! Кажется, чуть коснется она перьев своими жесткими руками, а бородки у них от стержня так и отлетают! Скорехонько все двенадцать фунтов поспели.

Когда девушка проснулась, она увидела целые груды белоснежных перьев, и в комнате все чистенько прибрано, а старушки и след простыл. Девушка поблагодарила Бога и просидела смиреннько до

вечера.

Вечером вошла мачеха в комнату и была изумлена тем, что вся работа выполнена. «Вишь ты, колода неповоротливая, вот что можешь сделать, как постараться-то хорошенько! Да разве же ты и кроме этой работы не успела бы чего-нибудь сделать? А ты уж и села, сложа руки! – И, выходя из комнаты, она сказала: – Эта тварь не только хлеб ест, а и работать может! Надо ей задавать работы помудренее этой!»

На следующее утро она позвала падчерицу и сказала:

«Вот тебе ложка, поди-ка вычерпай ею весь большой пруд, что за садом. А если к вечеру не вычерпаешь, ты уж знаешь, что тебя ждет».

Девушка взяла ложку и увидела, что она продырявлена; да если бы и цела была, то где же ею пруд вычерпать! Принялась она тотчас за работу; стала у воды на колени, стала черпать, а сама в воду слезы роняет.

Но добрая старушка опять явилась и, узнав о причине ее печали, сказала: «Успокойся, дитя мое, поди в кусты да приляг, я уж твою работу сама справлю».

Оставшись одна у пруда, старушка только прикоснулась к нему – и вот вся вода стала превращаться в туман и вверх подниматься и сливаться с облаками. Мало-помалу пруд осушился, и когда девушка перед закатом солнца проснулась и подошла к пруду, то увидела уж только рыб, которые плескались в тине.

Она пошла к мачехе и сказала ей, что выполнила работу.

«И давно пора!» – сказала та, бледная от злости, а сама уж новые затеи придумывала.

На третье утро позвала она к себе падчерицу и сказала:

«Там, на равнине, ты должна мне выстроить красивый замок, да чтобы к вечеру был готов». Девушка перепугалась и сказала: «Как могу я выполнить такую большую работу?» – «Я слышать не хочу никаких возражений! – крикнула мачеха. – Если ты можешь пруд вычерпать продырявленной ложкой, то можешь и замок выстроить! Сегодня же я туда и переехать хочу, и если хоть чего-нибудь не хватит в кухне или в погребе, ты знаешь, что тебе достанется!»

Она прогнала девушку с глаз долой, и когда та сошла в долину,

то увидела, что скалы лежат там глыбами, нагроможденные одна на другую. Напрягая все свои силы, она даже и меньшей из них не могла бы сдвинуть с места. Села она и стала плакать, хотя все же не теряла надежды на помощь доброй старухи.

И та не заставила себя ждать, пришла и утешила ее: «Приляг вон там в тени да усни, уж я тебе замок построю. Коли тебе приятно будет, так хоть сама живи в нем».

И когда девушка удалилась, старушка только прикоснулась к серым глыбам скал – и тотчас же зашевелились глыбы, сплотились в целое и поднялись стенами, словно могучие великаны их воздвигали. Затем здание стало возрастать, как будто бесчисленные незримые руки работали над ним, налагая камень на камень. Земля гудела, а громадные колонны сами собою из нее поднимались и становились в ряд. Черепицы сами собою укладывались на крыше, и чуть только полдень настал, на шпиге одной из башен замка уже вращался большой флюгер в виде золотой девы в развевающейся одежде.

И внутренние покои замка к вечеру были уже готовы. Как это старушка ухитрилась сделать, не знаю, но только стены комнат были обтянуты шелками и бархатом, кругом расставлены были пестро расшитые стулья, а богато украшенные кресла появились около мраморных столов; хрустальные люстры повисли всюду, опускаясь с потолков и отражаясь в гладко отполированных полах.

В раззолоченных клетках сидели зеленые попугаи и разные заморские певчие птицы. Всюду царила такая роскошь, как будто замок предназначался для самого короля.

Солнце было уже на закате, когда девушка проснулась, и ей сразу бросились в глаза огни тысячи свечей. Быстрыми шагами подошла она к замку и вступила в него через открытые ворота. Лестница была выстлана красным сукном, а вдоль перил ее были поставлены кадки с цветущими деревьями.

Когда она увидела весь блеск внутреннего убранства, то остановилась как вкопанная. И может быть, долго бы она там простояла, если бы о мачехе не вспомнила. «Ах, – подумала она, – хоть бы этим, наконец, она удовольствовалась и не мучила бы меня более».

Пошла она к ней и сказала, что замок готов. «Я сейчас туда хочу переселиться», – сказала та и поднялась со своего места. Когда она вступила в замок, то должна была прикрыть глаза рукой – до такой степени ослепил ее весь этот блеск. «Видишь, – сказала она падчерице, – как тебе все это легко досталось; надо было бы тебе дать задачу потруднее этой».

Она прошла по всем комнатам и заглядывала в каждый уголок, чтобы подметить – чего там не хватает? Но ничего найти не могла. «Ну, теперь вниз сойдем, – сказала она, злобно поглядывая на бедную девушку, – я должна еще заглянуть в кухню и в погреб, и если там замечу какую-нибудь нехватку, то ты все же не уйдешь от моих побоев».

Но огонь горел в очаге, в горшках варились кушанья, все было на своем месте, а по полкам была расставлена ярко блестящая медная посуда. Ни в чем не было недостатка: даже и чугуны для углей, и ведра тут были. «А где тут вход в погреб? – крикнула мачеха. – Ведь, если он не наполнен бочками вина, то тебе плохо будет!»

Она сама открыла откидную дверь и стала сходить с лестницы, но едва ступила два шага, как тяжелая дверь, которая не была закреплена, вдруг захлопнулась. Девушка услышала крик, быстро подняла дверь, чтобы подать мачехе помощь, но оказалось, что та слетела с лестницы в погреб и убила насмерть.

И вот великолепный замок стал полной собственностью молодой девушки. В первое время она даже не могла свыкнуться со своим счастьем: в шкафах висели богатые платья, сундуки были набиты золотом и серебром либо жемчугом и драгоценными камнями, и притом не было желаний, которое бы оставалось неисполненным.

Вскоре слава о красоте и богатстве молодой девушки распространилась по всему свету. Каждый день являлись к ней новые женихи, но ни один из них ей не нравился.

Наконец пришел и королевич, который сумел затронуть ее сердце, и она с ним обручилась.

В саду замка росла липа; под эту липу жених с невестой и сидели однажды, и он сказал ей: «Я съезжу домой и получу согласие моего отца на наш брачный союз; прошу тебя, подожди моего возвращения под эту самую липу, я вернусь через

несколько часов».

Девушка поцеловала его в левую щеку и сказала: «Будь мне верен и никакой другой женщине не позволяй целовать тебя в эту щеку. А я здесь, под липою, буду ожидать твоего возвращения».

Девушка сидела под липою до самого заката солнечного, но жених, не возвращался. Она сидела еще три дня с утра и до вечера, ожидая, что жених возвратится, но тщетно. Когда и на четвертый день он не явился, она сказала: «С ним, вероятно, случилось несчастье; я пойду его искать и не вернусь прежде, нежели найду его».

Она захватила с собою три лучшие из своих платьев: одно было вышито серебряными звездами, другое – серебряными месяцами и третье – золотыми солнцами; завязала в платок свой полную пригоршню драгоценных камней и пустилась в путь.

Всюду расспрашивала она о своем женихе, но оказалось, что никто его не видал, никто о нем ничего не знал. Странствовала она по всему свету вширь и вдаль, а жениха своего не находила. Наконец она нанялась у одного мужика в пастушки, а свои великолепные платья и драгоценные камни зарыла под камнем.

Вот и жила она у этого мужика, пасла его стада, горевала и тосковала о своем милом. И была у нее телочка, очень ручная, которую она из рук и кормила. И когда она говорила:

Телочка, телушка,
Будь моей подружкой.
На коленки становись,
В вечной верности клянись,

– та тотчас становилась на колени, и девушка ее ласкала.

После того как она, одинокая и печальная, прожила около двух лет у того мужика в услужении, в той стране пронесся слух, будто дочь короля собирается праздновать свою свадьбу.

Дорога в город шла через ту деревню, где жила наша красавица, и случилось, что однажды, когда она выгоняла из деревни свое стадо, ее жених ехал мимо. Он гордо скакал на своем коне и даже не взглянул на нее; она же сразу его узнала. Ее словно ножом кольнуло в сердце. «Ах, я-то думала, что он мне будет

верен, – сказала она, – а он и позабыл меня!»

На другой день он опять ехал той же дорогой. Когда он приблизился к ней, она стала говорить телочке:

Телочка, телушка,
Будь моей подружкой.
На коленки становись,
В вечной верности клянись!

Услышав ее голос, жених глянул на нее и попридержал коня. Посмотрел он пристально в лицо пастушке, даже прикрыл глаза рукою, как бы припоминая что-то, но потом быстро поскакал и скрылся из виду.

«Ах, он не узнает меня более!» – воскликнула она и еще более запечалилась.

Вскоре после того при королевском дворе должен был происходить трехдневный праздник, и все население страны было приглашено участвовать в нем.

«Теперь я сделаю последнюю попытку!» – подумала девушка и, когда наступил вечер, пошла к тому камню, под которым хранились ее сокровища. Она вынула платье с золотыми солнцами, надела его и к нему же надела убор из драгоценных камней. При этом она распустила волосы свои (она скрывала их под платком), и они длинными локонами ниспадали с ее плеч.

Так направилась она в город, и в темноте никто не обратил на нее внимания.

Когда же она вступила в ярко освещенный зал, все уступали ей дорогу, пораженные ее красотой, но никто не знал ее.

И королевич вышел ей навстречу, но тоже не узнал ее. Он и плясал с нею, и так был восхищен ее красотой, что о другой невесте и думать забыл.

Когда праздник закончился, она исчезла в толпе, поспешила до рассвета в деревню, где опять нарядилась в свое пастушье платье.

На следующий вечер она надела платье с серебряными месяцами и в волосы себе приколола полумесяц из драгоценных камней. Когда она показалась на празднестве, все обратились в ее сторону:

королевич же поспешил ей навстречу и принял любезно, с нею одною только и плясал и ни на кого, кроме нее, не смотрел.

Перед уходом она должна была сказать ему, что в последний вечер еще раз придет на праздник.

Явившись в третий раз, она надела звездное платье, которое сверкало звездами при каждом ее движении; на голове у нее была повязка из звезд, блестящих драгоценными камнями; такими же звездами был украшен и ее пояс.

Королевич уже давно ее ожидал и пробрался к ней через толпу. «Скажи мне, кто ты? – спросил он. – Мне почемуто кажется, что я уже давно тебя знаю». – «А ты разве не помнишь того, что было при нашей разлуке?» – отвечала она и, приблизившись к нему, поцеловала его в левую щеку.

В то же мгновение он словно прозрел и узнал истинную невесту. «Пойдем, – сказал он ей, – здесь я не хочу более оставаться». Тут он подал ей руку и свел ее вниз, к своей повозке.

Вихрем помчались кони прямо к ее волшебному замку. Уже издали горели огнями освещенные окна.

Когда они проезжали мимо заветной липы, в ее листве кишмя кишели бесчисленные светляки; липа приветливо махала ветвями и разливала кругом благоухание своих цветов.

На лестнице цвели цветы, из внутренних покоев доносилось пение заморских птиц, а в зале уже был в сборе весь двор королевича, и священник ожидал прибытия жениха с его истинной невестой, чтобы начать обряд венчания.

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Бедный

мальчик в могиле (Бедный пастух в могиле)

Жил-был на свете бедный пастушонок, круглый сирота; властями был он пристроен в дом к богатому человеку, который должен был его кормить и воспитывать. Но этот богатый человек и его жена были люди злые, при богатстве своем были и скупы, и неприветливы, и дрожали над каждою своею крошкою.

Бедный мальчик как ни старался, все не мог им угодить, они плохо его кормили и много били.

Однажды пришлось ему сторожить наседку с цыплятами; та как-то пробралась с цыплятами через изгородь, и вот пал на нее сверху коршун и мигом ее утащил. Мальчик стал кричать что есть мочи: «Вор, вор, злодей!»

Но это, конечно, ни к чему не привело; коршун не вернул своей добычи.

Прибежал на крик хозяин, и когда узнал, что его курица похищена, он пришел в такую ярость, что избил несчастного мальчика жестоко, так что тот дня два и шевельнуться не мог.

Пришлось ему, бедному, присматривать за цыплятами без наседки, и это было чрезвычайно трудно: один бежал туда, другой – сюда. Вот и вздумалось ему всех их вместе привязать на одну веревку – всех, мол, их хотя бы коршун-то не унесет! Не тут-то было! Дня два спустя, в то время, когда он заснул, изморившись беготней и голодом, хищник слетел сверху, схватил одного цыпленка, а так как другие были к нему привязаны, то утащил за ним и остальных, присел на дерево и всех их растерзал поочередно.

Хозяин, как пришел домой и узнал об этой беде, озлился на мальчика и бил его немилосердно, так что тот много дней сряду должен был пролежать в постели.

Когда он поднялся на ноги, хозяин сказал ему: «Пасти птицу ты не годишься – слишком ты глуп для этого; ты будешь у меня рассыльным».

Вот и послал он его к судье с корзиной винограда и с письмом.

На пути голод и жажда так мучили бедного мальчика, что он не выдержал – съел две кисти.

Принес корзину судье; тот прочел письмо, сосчитал кисти и говорит: «Недостает двух».

Мальчик совершенно откровенно сознался, что от голода и жажды съел эти две кисти.

Судья написал хозяину письмо и потребовал еще столько же винограда.

И этот виноград с письмом же хозяин поручил мальчику отнести к судье.

И опять бедняка так страшно мучили голод и жажда, что он не мог воздержаться и опять съел две кисти.

Но предварительно он вынул хозяйское письмо из кармана, подложил его под камень, а на камень сам сел, чтобы письмо не могло подсмотреть и выдать его.

Но судья опять стал его допрашивать о недостающих кистях. «Ах, как это вы узнали? – спросил юноша. – Письмо не могло этого знать, ведь я его под камнем продержал!»

Судья посмеялся простоте мальчика и отправил к его хозяину письмо, в котором он ему написал, что бедного мальчика следует содержать получше, так, чтобы он не ощущал недостатка ни в пище, ни в питье; а также неплохо было бы научить его пониманию того, что хорошо, что дурно.

«Я тебя сразу научу разнице между хорошим и дурным! – сказал мальчику его суровый хозяин. – Коли ты хочешь есть, так ты работай, а коли что дурное сделаешь, так я тебя палкой проучу!»

На следующий же день хозяин поставил мальчика на тяжелую работу.

Он должен был изрезать две большие вязки соломы на корм лошадям; при этом хозяин пригрозил ему: «Через пять часов вернусь и если солома не будет изрезана, то буду бить тебя до полного изнеможения». Затем мужик с женою, служанкою и слугою ушли на ярмарку, а мальчику оставили всего только небольшой кусок хлеба.

Мальчик принялся за соломорезку и стал работать изо всех сил. Поразогревшись от работы, он скинул с себя одежонку и бросил

ее на солому.

Из опасения не поспеть с работой, он все резал да резал, и от излишнего усердия сам не заметил, как изрезал вместе с соломою и свою одежку.

Слишком поздно спохватился он, когда уж поправить беду было невозможно. «Ах, – воскликнул он, – теперь я погиб! Недаром грозил мне злой хозяин! Когда придет он да увидит, что я наделал, он меня убьет! Лучше уж я сам с собою покончу!»

Случалось ему слышать от хозяйки, что под ее кроватью стоит горшок с ядом.

Она-то это говорила для того, чтобы лакомок отвадить, потому что в горшке был мед.

Мальчик полез под кровать, вытащил оттуда горшок и весь его очистил. «Право, не знаю, – сказал он, – что это люди говорили, будто смерть так горька, мне кажется она сладкою. Не мудрено, что хозяйка так часто себе желает смерти!»

Сел он на стулик и собрался умереть, но почувствовал, что не слабеет, а стал даже сильнее от питательной пищи. «Верно, это был не яд, – сказал он. – Но вот хозяин не раз говорил, что в его платяном сундуке лежит бутылочка с отравой для мух, уж это-то точно яд, и, верно, уморит меня».

Но и в бутылке был не яд, а венгерское вино. Мальчик вытащил бутылку и выпил ее всю.

«И эта смерть – тоже сладка!» – сказал он; однако же, когда вино стало туманить его сознание, то он подумал, что приходит его конец. «Чувствую, что смерть приближается, – сказал он, – пойду-ка я на кладбище да поищу себе могилку...»

Побежал на кладбище и лег в свежерытую могилу. А между тем дознание утрачивалось все более и более...

Тем временем поблизости в гостинице шло свадебное пиршество: несчастному, когда он слышал музыку, показалось, что он уже вступает в рай.

И так казалось, пока сознание его не замутилось окончательно. Бедняк не очнулся более: горячее вино ударило ему в голову, холодная ночная роса довершила остальное, он умер и остался в могиле, в которую сам лег еще при жизни.

Когда хозяин узнал о смерти мальчика, он перепугался и стал

опасаться того, что его потащат в суд, и такой страх его забрал, что он без чувств на землю пал.

Жена, которая на кухне поджаривала на огне полную сковородку сала, бросилась на помощь к мужу.

А тем временем сало запылало, от сала занялся и весь дом, и через несколько часов уже лежали на месте его груды пепла.

И вот, мучимые угрызениями совести, они должны были провести остальные годы жизни в бедности и ничтожестве.

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Гвоздь

Купцу случилось на ярмарке хорошо поторговать, товары все распродать и кошелек свою золотом и серебром набить. Задумал он домой ехать, предполагая, что доедет до дому еще до наступления ночи. Вот он и привязал свой чемодан с деньгами к седлу и поехал с ярмарки.

В полдень он остановился на отдых в городе; когда же задумал ехать далее, конюх сказал: «Сударь, на левой задней ноге в подкове не хватает гвоздя». – «Ну и пускай, – отвечал купец, – мне и всего-то шесть часов пути осталось, так авось подкова не отвалится».

После полудня, когда купец опять сошел с коня и приказал покормить его хлебом, конюх сказал: «Сударь, у вашего коня на левой задней ноге не хватает подковы, так не прикажете ли свести его к кузнецу?» – «Ну и пускай не хватает! – отвечал купец. – Мне и всего-то два часа осталось ехать, так конь, конечно, выдержит. А ведь я спешу!»

Поехал далее, но не далеко мог уехать: лошадь захромала... И хромала недолго, как уже начала спотыкаться; да и спотыкалась-

то недолго – упала и ногу себе переломила. Купцу пришлось лошадь бросить, чемодан от седла отвязать и взвалить на плечи да идти домой пешком; и только уже поздней ночью добрал он до дому! «И всей моей беде виною, – так рассуждал он потом, – был этот проклятый гвоздь!»

Тише едешь – дальше будешь!

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Великан и портной

Одному портному, большому бахвалу, но дурному плательщику, вздумалось как-то прогуляться и в лес заглянуть. Как только оказалось возможным, он вышел из мастерской

И пошел своей дорогой,
То крутою, то отлогой,
Где мостом, где через брод,
Все вперед да все вперед.

И вот во время пути он увидел в самой дали крутую гору, а за нею высочайшую башню, которая возвышалась над темным и дремучим лесом. «Ого! – воскликнул портной. – Что бы этом

могло быть?» – и, подстрекаемый любопытством, он прямо пошел к этой горе.

Но как же он вытаращил глаза, когда подошел поближе и увидел, что у башни есть ноги, что эта башня поднялась, шагнула через гору и стала перед портным в образе громадного великана!

«Чего тебе здесь нужно, жалкая мошка?» – крикнул великан громким голосом.

Портной пролепетал: «Хочу поосмотреться, не найдется ли мне здесь в лесу небольшой заработочек». – «Коли так, – сказал великан, – так ты, пожалуй, и ко мне на службу можешь поступить». – «Отчего бы и нет? А какое мне будет положено жалованье?» – «Какое жалованье? А вот изволь послушать. Каждый год я подарю тебе триста шестьдесят пять дней жизни, а в високосный – одним днем больше. Довольно ли тебе?» – «Пожалуй, и довольно», – отвечал портной, а сам про себя подумал: «По одежке протягивай ножки! Ну да надо же постараться поскорее от него отделаться».

Затем великан сказал ему: «Ступай, плутишка, да принеси мне кружку воды». – «А не лучше ли притащить весь колодец и ключ тоже кстати?» – спросил хвастунишка, взял кружку и пошел за водой. «Что такое? Весь колодец и ключ тоже? – пробормотал себе в бороду великан (а крепколоб и глуповат был, сердечный!), и в душу его закралось опасение: – Да этот парень-то мудреный какой-то! Уж нет ли у него приворотного корня в запасе? Будь осторожен, старый Ганс, это не по тебе слуга!»

Когда портной вернулся с водой, великан велел нарубить в лесу охапку-другую дров и принести к нему.

А не лучше ли уж весь лес сразу,
Весь лес, как есть,
До корня снести,
И малый, и большой,
С ветвями и листвою?

– спросил портной и пошел рубить дрова.

– Что?

Весь лес, как есть,
До корня снести,
И малый, и большой,
С ветвями и листвою, и колодец весь, и ключ, кстати?

– проворчал легковерный великан себе в бороду, и стал еще больше опасаться: – Этот парень точно мудреный, и у него, наверно, есть приворотный корень в запасе! Будь осторожен, старый Ганс, не слуга он тебе!

Когда портной вернулся с дровами, великан приказал ему застрелить к ужину двух-трех кабанов. «А почему бы не тысячу сразу, одним выстрелом?! И всех сюда стащить?» – спросил угодливый портной. «Как? – воскликнул перетрусивший не на шутку великан. – Нет, уж на сегодня хватит! Ступай и ложись спать».

Великан был до такой степени напуган, что всю ночь глаз не сомкнул и все обдумывал, как бы ему поскорее избавиться от этого слуги, который, несомненно, с нечистым ведается.

Известно, что утро вечера мудренее.

На другое утро великан и портной пошли к болоту, около которого по берегам росло много ивняка.

Вот великан и сказал портному: «Слышь-ка, портной! Присядь-ка ты на одну из этих веток, мне смерть хотелось бы посмотреть, согнется ли она под тобою».

И мой портной сейчас же уселся на ивовую ветку, напыжился и постарался так надуться и отяжелеть, что ветка и точно под ним погнулась, да на беду-то портняга наш позабыл утюг с собою захватить! И вот, ветка, разогнувшись, к великой радости великана так вверх подкинула портнягу, что он даже из глаз скрылся...

Коли он сверху не свалился, так и теперь еще, пожалуй, в воздухе носится...

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Подарки маленьких людей (Дары маленького народца)

Портной и золотых дел мастер шли как-то вместе путем-дорогою и однажды вечером, уже после заката солнечного, услышали отдаленные звуки музыки, которые доносились все явственнее; она звучала как-то странно, но очень весело, так что они позабыли даже об усталости.

Месяц уже высоко поднялся на небе, когда они достигли холма, на котором увидели много маленьких людей, мужчин и женщин, которые, взявшись за руки, весело и радостно кружились в общей пляске.

Среди их хоровода сидел старик; он был одет в пеструю одежду, и седая борода покрывала грудь его.

Оба путника остановились в изумлении и стали смотреть на пляску. Старик кивнул им и пригласил войти внутрь хоровода. Золотых дел мастер был горбат и, как все горбатые, очень бодрился – он вступил первый; портной сначала побаивался, но,

увлеченный общим весельем, решился последовать за товарищем. Круг тотчас сомкнули, и маленькие люди опять принялись петь и продолжали свою пляску с большим увлечением. Старик же взял широкий нож с пояса, отточил его, и когда тот оказался уже достаточно острым, стал вглядываться в пришельцев. Тем стало страшно, но у них немного было времени на раздумье: старик сначала ухватил золотых дел мастера и с величайшей быстротой обрил ему волосы на голове и бороду; то же самое сделано было и с портным.

Однако же они совершенно оправились от испуга, когда старик, покончив свою работу, ласково потрепал их по плечу, как бы желая выразить этим, что они хорошо поступили, не оказав ему никакого сопротивления.

При этом он указал им пальцем на кучу углей, лежавшую в стороне, и знаком истолковал им, что они должны этим углем набить себе полные карманы.

Оба они повиновались ему, хотя и не знали, на что им могли пригодиться угли, а затем они пошли далее по дороге, чтобы отыскать себе ночлег.

Когда они спустились в долину, колокол соседнего монастыря прозвонил полночь.

Мигом смолкло вдали пение, все исчезло, и холм, освещенный ярким сиянием месяца, опустел.

Оба путника отыскиали себе на дороге харчевню, в которой и улеглись спать на соломе, накрывшись своим платьем; из-за усталости они позабыли даже вынуть уголья из карманов.

Какая-то особенная тяжесть, давившая на их тела, заставила их пробудиться ранее обычного времени.

Они схватились за карманы и глазам своим не хотели верить, увидев, что они наполнены не древесными угольями, а настоящим чистым золотом; да притом оказалось, что и волосы, и бороды успели у них вновь отрасти.

Оба они нежданно разбогатели; однако же золотых дел мастер, жадный до денег и успевший больше набить свои карманы, приобрел по крайней мере вдвое против портного.

Ну, а уж известно, что корыстолюбец, имея много, желает всегда еще большего.

А потому золотых дел мастер и предложил портному остаться в той местности еще на денек, вечером выйти на прогулку, чтобы еще больше добыть себе богатства от старика на холме.

Портной отказался, сказав: «С меня хватит того, что есть, и я доволен; теперь из подмастерьев мастером сделаюсь, женюсь на своей любимой и буду счастлив».

Однако же ради удовольствия товарища он согласился остаться еще на один день.

Вечером, золотых дел мастер вскинул на плечи еще пару кошелей, чтобы было куда класть золото, и пустился по дороге к холму.

Как и в предшествующую ночь, он застал маленьких людей за плясками и пением.

Старик опять его выбрил и указал ему на уголья, предлагая захватить их с собою.

Тот не заставил себя просить еще раз, набил в карманы и кошелю сколько мог снести, возвратился домой совершенно счастливый и накрылся своим платьем. «Как ни тяжело золото, – думал он про себя, – ну да уж я это как-нибудь вынесу», – и наконец заснул со сладким предвиденьем того, что завтра он проснется еще большим богачом.

Едва продрал глаза, он быстро поднялся, чтобы осмотреть свои карманы; но каково же было его изумление, когда он ничего не вытащил из своих карманов, кроме черных угольев! «Ну, да у меня еще осталось то золото, которое я получил в предшествовавшую ночь», – подумал золотых дел мастер и как же испугался, когда увидел, что и то золото тоже обратилось в уголь.

Он ударил себя по лбу рукой, запачканной углем, и тогда только почувствовал, что у него и голова, и борода голы-голешеньки. Но беда была не только в этом: он только теперь увидел, что сверх прежнего горба на спине у него вырос еще и другой спереди, на груди.

Тут признал он в этом наказание, понесенное им за корыстолюбие, и громко начал плакать.

Добрый-портной, разбуженный этим плачем, утешал несчастного товарища сколько мог и сказал ему: «Ты был моим товарищем в пути, так поселяйся у меня, и я разделю с тобою мое

богатство».

Он сдержал слово; но его товарищ остался на всю жизнь с двумя горбами и вынужден был прикрывать шапочкой свою лысую голову.

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Русалка в пруду

Некогда жил да был такой мельник, который жил со своею женою в полном довольстве. И денег, и добра всякого было у них вдоволь, и их благосостояние год от года все возрастало.

Но ведь беда-то нас за углом сторожит: как пришло их богатство, так стало и утекать из года в год, и под конец мельник уж, мог считать своею собственностью только ту мельницу, на которой он жил.

Все это его очень печалило, и когда он после дневного труда ложился спать, то не находил себе покоя и озабоченно ворочался в своей постели.

Однажды утром, встав еще до восхода солнца, он вышел подышать свежим воздухом и думал, что у него от этого немного на сердце полегчает.

Когда он переходил через мельничную плотину, прорезался первый луч солнца, и в то же время он услышал какой-то шорох.

Он обернулся и увидел прекрасную женщину, медленно поднимающуюся из воды. Ее длинные волосы, которые она придерживала на плечах своими нежными руками, ниспадали с обеих сторон и прикрывали ее белое тело.

Мельник понял, что это – русалка из пруда, и со страху не знал, бежать ли ему поскорее или приостановиться. Но русалка своим нежным голоском назвала его по имени и спросила, почему он так печален.

Мельник сначала оторопел было, но когда услышал, что она говорит с ним так ласково, он собрался с духом и рассказал ей, что некогда жил в счастье и богатстве, а теперь вдруг так обеднел, что не знает, как и быть. «Будь спокоен, – сказала ему русалка, – я тебя сделаю и счастливее, и богаче прежнего; но только ты должен обещать, что отдашь мне то, что сейчас в твоём доме родилось». – «Что бы могло это быть? – подумал мельник. – Разве котенок или щенок какой-нибудь?» – и пообещал ей дать желаемое.

Русалка опять опустилась в воду, а он, утешенный и ободренный, поспешил вернуться на мельницу.

Еще не успел он дойти до нее, как вышла служанка из дверей и закричала ему: «Радуйся, хозяин, жена тебе сыночка родила!»

Мельник стоял, как молнией пораженный: он понял, что коварная русалка все это знала и обманула его. С поникшей головой подошел он к постели своей жены, и когда она его спросила: «Что же ты не радуешься этому красавцумальчику?» – он рассказал ей, что с ним случилось и какое обещание дал он русалке. «На что мне и счастье, и богатство, – добавил он, – коли я должен потерять свое дитя? Но что же мне делать?»

И родственники, которые пришли поздравить родильницу, тоже не знали, чем беде помочь.

А между тем счастье вновь вернулось в дом мельника. Все, что он предпринимал, удавалось ему, и казалось, будто сундуки и

ящики сами собою наполнялись, а деньги в шкафу вырастали за ночь.

Немного прошло времени, а его богатство возросло значительно против прежнего.

Но он не в силах был этому радоваться: обещание, данное русалке, терзало его сердце. Каждый раз, когда он проходил по берегу пруда, он так и опасался того, что она всплывет на поверхность воды и напомнит ему о его долге.

Самого сына своего он к воде и не подпускал. «Берегись, – говаривал он ему, – если ты только коснешься воды, то оттуда сейчас высунется рука, схватит тебя и стащит вниз».

Но год уходил за годом, а русалка все не показывалась; вот мельник-то и начал уже успокаиваться.

Мальчик стал юношей и поступил в обучение к егерю. Когда он кончил ученье и стал отличным егерем, владетель ближайшего имения принял его к себе на службу.

В той деревне была красивая и честная девушка, которая егерю полюбилась, и когда его, господин это заметил, то подарил ему маленький домик; там молодые повенчались, зажили спокойно и счастливо и от души любили друг друга.

Однажды гнался егерь за серной.

Когда зверь был выгнан из леса в чистое поле, егерь помчался за ним и выстрелом положил его на месте.

Он вовсе не заметил, что все это происходило вблизи опасного пруда, и, выпотрошив зверя, подошел к воде, чтобы обмыть свои окровавленные руки.

Но едва только он окунул руки в воду, как русалка из воды поднялась, с хохотом обхватила его своими влажными руками и так быстро увлекла его в воду, что он разом исчез в волнах.

Когда за вечерело, а егерь домой не возвратился, то жена его перепугалась.

Она вышла за ним на поиски, и так как он неоднократно говорил ей, что опасается преследования русалки и должен остерегаться приближения к пруду, то она уже предвидела, что могло случиться.

Она поспешила к воде, нашла на берегу пруда его охотничью сумку и уже не могла сомневаться в постигшем ее несчастье.

Ломая руки, с плачем стала она призывать своего милого, но напрасно; она быстро перешла потом на другую сторону пруда и вновь стала выкликать его и осыпать русалку бранью, но никто не отвечал ей.

Поверхность воды была гладка, и только половина луны отражалась в ней неподвижно.

Бедная женщина не покидала берег пруда. Быстрыми шагами, не останавливаясь, она обходила его кругом, иногда молча, иногда испуская громкие крики, иногда тихий стон. Наконец, она выбилась из сил, опустилась на землю и впала в глубокое забытие.

Вскоре ей приснился сон. Снилось ей, что она со страхом идет в гору по узкому проходу между больших скал; стебли колючих и ползучих растений цеплялись ей за ноги, дождь хлестал ее в лицо, а ветер развеивал ее длинные волосы.

Когда она поднялась на вершину, ее взорам представилась совсем иная картина.

Небо было голубое, воздух теплый, земля спускалась мягким скатом, и среди зеленой лужайки, усеянной пестрыми цветами, стояла опрятная хижина.

Она пошла к этой хижине, отворила дверь и видит – сидит там седая старуха и приветливо ей кивает. В это самое мгновение несчастная женщина проснулась...

День уже занялся, и она тотчас решилась последовать указанию своего сновидения.

Она с великим трудом поднялась в гору, и все кругом было точно так, как она ночью во сне видела. Нашла она и хижину, и старуху в хижине. Та приняла ее ласково и усадила на стул. «Ты, верно, пережила большое несчастье, – сказала старуха, – потому что пришла посетить мою одинокую хижину».

Несчастливая женщина со слезами рассказала старухе, что с ней случилось. «Утешься, – сказала старуха, – я тебе помогу. Вот тебе золотой гребень. Погоди, пока взойдет на небе полный месяц, тогда ступай к пруду, садись на берегу его и расчесывай свои длинные черные волосы этим гребнем. Когда же расчешешь, то положи его на берегу и увидишь, что произойдет».

Вернулась бедняжка от старухи, но время до наступления

полуночи тянулось очень медленно. Наконец светлый круг месяца выплыл на небе, и она вышла к пруду, села на берегу его и, стала расчесывать свои длинные черные волосы золотым гребнем, а расчесав, положила его около самой воды. Вскоре после того в глубине пруда зашумело, поднялась среди пруда волна, подкатилась к берегу и унесла с собой гребень.

Прошло ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы гребень погрузился на дно, как водяная поверхность раздвинулась и голова егеря показалась над нею.

Он не говорил, но печально посмотрел на жену. В то же мгновение набежала другая волна и покрыла голову егеря. Все исчезло – пруд снова лежал в берегах своих, спокойный по-прежнему, и только полный лик луны отражался в нем.

Безутешная, вернулась бедная женщина домой, и сновидение вновь указало ей путь в хижину старухи. Вторично отправилась она туда и стала жаловаться ведунье на свое горе.

Старуха дала ей золотую флейту и сказала: «Обожди до полуночи и тогда возьми эту флейту, садись на берегу пруда, сыграй на ней хорошенькую песенку, а затем положи флейту на песке; увидишь, что случится».

Женщина все исполнила, что ей старуха сказала. И едва только флейта очутилась на песке, как зашумело в глубине; поднялась волна и набежала, и унесла с собою флейту.

Вскоре после того из воды появилась уже не голова егеря, а он весь поднялся до пояса. Он радостно простирал руки к жене, но набежала другая волна и укрыла его под собой.

«Ах, что мне в том, что я моего милого вижу на мгновение, чтобы вновь его утратить!» – сказала несчастная.

Тоска вновь наполнила ее сердце, а сновидение в третий раз привело ее в дом старухи.

На этот раз ведунья дала ей золотую самопрялку, утешила ее и сказала: «Не все еще сделано; обожди, пока наступит полнолуние, возьми самопрялку, наряди полную шпульку, а когда окончишь, поставь самопрялку у самой воды и увидишь, что будет».

Все так и было выполнено. Едва показался полный месяц, она понесла золотую самопрялку на берег пруда, усердно пряла на

ней до тех пор, пока не наполнила всей шпульки льняной пряжей. Когда же самопрялка была поставлена на берегу, зашумело еще сильнее прежнего в глубине, большая волна набежала на берег и унесла самопрялку.

Затем в струе воды поднялся из пруда егерь в полный рост, быстро выпрыгнул на берег, схватил жену за руку и побежал.

Но они еще не успели далеко убежать, как весь пруд вздулся со страшным шумом и с необычайной силой покатыл свои волны в поле вслед за бегущими. Они уже видели неизбежную смерть перед глазами, когда несчастная женщина в ужасе стала взывать о помощи к ведунье, и та в тот же миг превратила их: ее – в жабу, а его – в лягушку. Воды пруда никак не могли их утопить, однако же разлучили их и разметали в разные стороны.

Затем воды стали сбывать постепенно, и оба супруга, опять выбравшись на сушу, возвратились вновь к своему человеческому образу. Но ни один из них не знал, где остался другой; они очутились среди чужих людей, которые даже не знали их отчизны. Их отделяли друг от друга высокие горы и глубокие долины. Чтобы прожить, они вынуждены были пасти овец, много лет сряду гонять свои стада по полям и лесам; и сердца их были исполнены печали и тоски по родине.

Когда однажды весна снова явилась на землю, и егерь, и жена его одновременно выгнали стада свои в поле, случай заставил их встретиться. Он первый увидел чье-то стадо овец на отдаленном склоне горы и погнал свое стадо в том же направлении. Они сошлись в одной долине, не узнали друг друга, однако же и тому уже радовались, что не были по-прежнему одинокими.

С того дня они ежедневно пасли стада свои рядом; говорили они между собой немного, но у них было легче на душе.

Однажды вечером, когда полный месяц катился по небу и овцы уже улеглись на покой, пастух вынул из сумы флейту и сыграл на ней прекрасную, хотя и грустную песню.

Закончив песню, он заметил, что пастушка горько плачет. «О чем ты плачешь?» – спросил он. «Ах, – отвечала она, – точно так же светил месяц, когда я в последний раз эту самую песню играла на флейте и из-под воды пруда показалась голова моего милого». Он посмотрел на нее, и у него словно пелена с глаз спала: он

узнал жену! И в то время, как он в нее вглядывался, а месяц ярко освещал его лицо – и она его узнала!

Они обнялись, поцеловались – и были ли они счастливы, об этом нечего и спрашивать...

(Голосов: 2. Рейтинг: 4,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Неравные дети Евы (Неравные Евины детки)

Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, то они должны были на неплодородной земле выстроить себе дом и зарабатывать хлеб свой в поте лица.

Адам трудился в поле, а Ева пряла шерсть.

У Евы каждый год рождалось по ребенку, и одни дети были красивы, другие же некрасивы.

По прошествии значительного времени Бог послал к Адаму и Еве ангела с известием, что он желает их навестить.

Ева, обрадованная такою милостью Господа, все тщательно в доме прибрала, украсила дом цветами, а каменный пол усыпала травами. Потом вывела детей своих, но только красивых.

Она их вымыла, выкупала, причесала их, надела на них чистенькие рубашечки и напомнила им, чтобы они в присутствии Господа вели себя прилично и держали себя смирно, кротко и разумно.

А некрасивые дети не смели Господу и на глаза показаться. Один спрятался в сено, другой – под крышу, третий – в солому, четвертый залез за печку, пятый – в погреб, шестой – под чан, седьмой – под винную бочку, восьмой – под старую шубу, девятый

и десятый – под сукно, из которого шили их одежды, а одиннадцатый и двенадцатый – под кожу, из которой выкраивали им башмаки.

Едва только все было готово, Отец Небесный вступил в их дом. Красивые дети были поставлены в ряд; они кланялись ему и преклоняли перед ним колени. Господь же захотел их благословить и, возложив руки на первого из них, сказал: «Ты будешь могущественным королем!» – затем, обращаясь ко второму: «Ты – князем!» – к третьему: «Ты – графом!» – к четвертому: «Ты – рыцарем!» – к пятому: «Ты – благородным!» – к шестому: «Ты – купцом!» – к седьмому: «Ты – ученым!»

И так всех их наделил своею обильною благодатью.

Когда же Ева увидела, что Господь так благ и милостив, то подумала: «Дай-ка я выведу к нему и других моих, некрасивых, детей! Может быть, он и их не лишит своего благословения?» Побежала и вызвала их – кого из-под сена, кого из соломы, кого из-под печки и из других мест, куда они запрятались.

Вот и прибежали они все – грязные, неумытые, перепачканные сажей.

Господь взглянул на всех и сказал: «Благословлю и этих».

Он возложил руки на первого и сказал ему: «Ты будь мужиком», – потом сказал второму: «Ты – рыбаком», – третьему: «Ты – кузнецом», – четвертому: «Ты – кожевником», – пятому: «Ты – ткачем», – шестому: «Ты – башмачником», – седьмому: «Ты – портным», – восьмому: «Ты – горшечником», – девятому: «Ты – извозчиком», – десятому: «Ты – корабельщиком», – одиннадцатому: «Ты – рассыльным», – двенадцатому: «Ты – слугою на всю жизнь».

Когда Ева все это выслушала, то сказала: «Господи! Как можешь ты так неравномерно распределять свое благословение? Ведь это все мои, мною рожденные дети. Твои милости должны бы на всех излиться одинаково».

Но Господь возразил: «Ева, ты этого не понимаешь. Мне угодно и нужно весь свет заселить твоими детьми; ну, если бы они все были бы князьями и господами, то кто же стал бы поля возделывать, молотить, молоть и печь? Кто стал бы ковать, ткать, плотничать, строить, рыть, кроить и шить? Каждый должен

быть на своем месте, все друг друга должны поддерживать и питать, как члены одного и того же тела».

Тут отвечала Ева: «Ах, Господи, прости, что я тебе так необдуманно поперечила! Да сбудется твоя святая воля и над детьми моими».

(Голосов: 2. Рейтинг: **4,50** из 5)

Загрузка...